

конференции. М., Челябинск, 2007. Ч. 3.

4. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение / И.Л. Резниченко. М., 2005.

5. Русская грамматика / Главный редактор. Н.Ю. Шведова. Ч. 1. М., 2005.

6. Словарь образцового русского ударения / М.А. Штудинер М., 2005.

ОБРАЗ ЧАШИ ГРААЛЯ В ЛИРИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Матрусова А.Н.

Легенда о Граале – вероятно, одна из самых загадочных легенд Средневековья. Впервые мотив этот появляется в написанном около 1190 года незаконченном романе Perceval ou Le conte du Graal (Персеваль, или повесть о Граале) Кретьена де Труа и с тех пор становится неотъемлемой частью западноевропейской литературной и культурной традиции, смысловым и сакральным центром легенд Артуровского цикла. Чаще всего предания представляют Грааль как чашу, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Спасителя после распятия. Если предположить, что Грааль существовал, то можно говорить о самой величайшей христианской реликвии на земле. Примечательно, что Ю.С. Серенков, говоря об “артуровских легендах”, пишет: “Артуровская Легенда” репрезентирует некий *интегрирующий смысловой элемент, который присутствует во многих легендах*” [5, с. 2]. Эти “культурные смыслы”, “интегрирующий смысловой элемент” наводняют Европу XIX – XX веков. И это, по сути, Грааль.

Случайно ли в этом контексте то, что о Граале нет ни слова в русской литературе? В XIX веке тема святой чаши раскрывается в поэзии французских символистов, операх Р. Вагнера, произведениях Артуровского возрождения в Англии. Однако в России, стране христианской, вплоть до начала XX века Грааль не упоминает ни один из поэтов, несмотря на очевидную, казалось бы, привлекательность этого образа. Можно ли объяснить этот факт тем, что о Граале не знали? В лекциях, соста-

вивших позднее основу “Исторической поэтики”, А.Н. Веселовский обращается к слушателям: “Положим, вы не имеете понятия о ... тайнах Круглого стола, об искании Св. Грааля” [2, с. 39], как будто такое предположение представляется в высшей степени маловероятным. И, тем не менее, образ Грааля появляется в русской лирике лишь с началом Серебряного века. Рассмотрим предпосылки к появлению этого культурного и литературного феномена.

На рубеже XIX – XX веков к артуровским легендам, немислимым без Святого Грааля, обращается А.Н. Веселовский. В 1896 году в Санкт-Петербурге публикуется исследование ученого “Сказания о Вавилоне, скинии и Св. Граале”. А.Н. Веселовский, по-видимому, единственный на сегодняшний день ученый, который обратил внимание на то, что предание о Граале можно найти в православных богослужебных текстах, а именно – в Синаксари Великого поста¹. Однако фундаментальные научные исследования не самый мощный стимул поэтического воображения.

В это время происходит уникальный культурный и философский всплеск эмоций, мнений, течений, направлений человеческой мысли. Умами просвещенной молодежи владеет Р. Штейнер, который неоднократно обращается к образу Грааля в своих лекциях, а кумиром всех поэтов Серебряного века является Р. Вагнер. А ведь в его опере “Парсифаль” тема Грааля – центральная, важнейшая, она организует все художественное и мистическое пространство произведения.

¹ Синаксарь Великого поста, точнее, текст, относящийся к Великой пятнице, содержит прямое указание на то, что при распятии Спасителя в некий сосуд была собрана Его Кровь: “Сия Иоанн виде свидетельсва и истинно есть свидетельство его. Сему, глаголют, тогда сущу, сосудом некоем от животочных ребер божественную и пресвятую кровь приятии”. Триодь постная. М., 1992, С. 445.

Образ Грааля появляется в поэзии Серебряного века практически у всех поэтов. Одним из первых о Граале пишет Н. Гумилев.

Я откинул докучную маску,
Мне чего-то забытого жаль....
Я припомнил старинную сказку
Про священную чашу Грааль.

Но таить мы не будем рыдания,
О, моя золотая печаль!
Только чистым даны созерцанья
Вечно радостной чаши Грааль.

Разорвал я лучистые нити,
Обручавшие мне красоту.
Братья, сестры, скажите, скажите,
Где мне вновь обрести чистоту?

[3, с. 91]

Первый эпитет – священная – полностью соотносится с тем, что известно о Граале любому образованному человеку – это священная реликвия, потому что туда собрана кровь Бога. Однако для Н. Гумилева, или для его лирического героя, реальность этой чаши под сомнением – недаром припомнил он не легенду, а сказку. Неожиданным представляется третий эпитет. О Граале известно, что он исцеляет раны, приносит плодородие, быть может, дарует долгую жизнь. Но герой Н. Гумилева неожиданно воспринимает его совсем с иных позиций. Грааль у Н. Гумилева дает радость. Заметим, это редко для русской традиции, но у Н. Гумилева чаша вечно радостная. Грааль, по сути, становится символом, но не распятого, а уже воскресшего Спасителя, и в то же время близок и чаше Евхаристии, то есть символу христианского спасения.

Появление в творчестве И. Северянина Грааля как эстетической детали во многом предопределено его пониманием эгофутуризма. Но дальнейшее развитие этой детали в образ обусловлено и другими факторами: “У Игоря Северянина ... была маска эстета-гения, русского Оскара Уайльда, равнодушного к своей славе” [4], – отмечает В.А. Кошелев. И вот рождается ассо-сонет (1911), посвященный Оскару Уайльду:

Его душа – заплеванной Грааль,
Его уста – орошенная язва...

Так: ядосмех сменяла скорби спазма,
Без слез рыдал иронящий Уайльд.

Можно сказать, что и в этом стихотворении лирический герой прячется под маской Оскара Уайльда, и сравнивает с Граалем свою душу. Как утверждает Ю.А. Ахмедова, “душа – основной концепт творчества Северянина” [1, с. 152], следовательно, появление ключевого слова уже в первой строке стихотворения, и не в каждодневном сопоставлении с чудесной Чашей, предполагает большое разнообразие смыслов, возможность многоаспектного прочтения. Грааль становится образом, синонимичным образу души.

Одним из самых пламенных основателей символизма и увлеченных Р. Вагнером поэтов был Л.Л. Кобылинский (Эллис). В начале 1910-х годов Эллис увлекся антропософией, и это определило его жизненный путь: в сентябре 1911 года он навсегда уехал из России, сопровождая Р. Штейнера в лекционных турне. Поселился в Берлине, изучил немецкий язык, но вскоре разочаровался в антропософии и обратился к католичеству.

Так же, как бедный рыцарь, лирический герой Эллиса избирает свою даму сердца – Деву Марию. В стихотворении “Барка Марии” он обращается к ней соответствующим образом, не забывая упоминать и главную святыню, которой он служит.

Ты светишь вдоль вечно дня
Нетленную Розой Сиона,
Воздушной Радугой дальней,
Живого колонной огня
И чашей *Грааля* хрустальной!

[6, с. 174]

В стихотворениях Эллиса Грааль появляется в завершающих строках, как заключительный аккорд, берущий на себя основную эмоциональную и смысловую нагрузку стихотворения. В русской традиции при упоминании Грааля не единожды упоминается эпитет “хрустальная” (чаша). Причин тому, по всей вероятности, может быть несколько. В представлении русских поэтов Грааль не просто священная чаша – это источник света, источник красоты. Хрусталь – символ чистоты и непорочности, а именно таким должен быть рыцарь, который разыскивает Святую Чашу. Видом

своим хрусталь напоминает две стихии – воду и воздух, а в чашу, ставшую Граалем, по преданию, были собраны истекшие из ребра Спасителя кровь и вода.

В стихах, написанных в 1909 году и опубликованных от лица Черубины де Габриак, появляется стихотворение, посвященное Св. Игнатию Лойола:

Твои глаза – святой Грааль,
В себя принявший скорби мира,
И облекла твою печаль
Марии белая порфира.

[5, с. 72]

Здесь мы встречаем сравнение довольно необычное: Грааль уподобляется глазам, становится символом образа зренья. Стоит вспомнить, что глаза – зеркало души, и тогда выстраивается довольно логичная последовательность уподоблений: глаза – душа – Грааль. Синонимию понятий *душа* и *Грааль* мы находим у И. Северянина.

Отождествление Грааля с душой становится яркой чертой русской рецепции Артуровской легенды. Даже понимание того, что душа человека изначально чистая, и она – дар Божий, подтверждает эту гипотезу. Если же вспомнить попытки ученых XX века доказать или опровергнуть существование у человека души, найти и увидеть ее, то аналогия с поисками Грааля, доказательствами и опровержениями его существования становится очевидной.

В венке сонетов “*Corona astralis*” М. Волошина – еще одно осмысление образа Грааля:

В нас тлеет боль внежизненных обид.
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы, –
Изгнанники, скитальцы и поэты!
(август, 1909)

Здесь происходит с Граалем нечто удивительное: он выходит из своего замка и идет по миру. Казалось бы, если священ-

ный предмет, способный исцелять и насыщать любого, кто к нему приблизится, вынести из замка, то скорбей как раз и будет меньше. Может быть, они, несущие Грааль, изгнаны – это отсылает к истории катаров. И вновь, как и у Черубины (или у Черубины как у М. Волошина) Грааль оказывается сосудом скорби.

Как мы видим, Грааль в русской поэзии переосмысливается в самых разных ракурсах. Однако не стоит забывать один важнейший фактор. Грааль – чаша с кровью Спасителя, это почти чаша Евхаристии. И ее начинают искать, когда нет возможности причащаться, как заповедал Господь, Телом и Кровью его. Начало XX века в России – время, когда даже воцерковленные люди причащаются всего два – три раза в год². Не случайно основные произведения Артурианы появляются в XII – XIII веке, когда католики начинают отказываться от причастия телом и кровью в пользу причастия только телом. Новая волна артурианы приходится на XVI век, когда эта практика закрепляется Тридентском соборе. В разгар Серебряного века еще никто не знает, что вскоре грянет революция, и причастие станет изгоняться из православных храмов. Однако поэты предчувствуют перемены. Уникальным культурным смыслом легенды о Святом Граале является предчувствие потери чаши с кровью Спасителя. Об этом говорит и появление этого образа в русской поэзии Серебряного века.

Литература

1. Ахмедова Ю.А. Эгофутуризм Игоря Северянина // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989; Волошин М.А. Стихотворения. М. – Л., 1982.
3. Кошелев В.А. Король поэтов Игорь Северянин (<http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200701004>).
4. Серенков Ю.С. Артуровская легенда как ключевой текст в культурном диалоге Великобритании и США XIX – XX вв.: Автореф. ... д-ра культурологии. М., 2009.
5. Черубина де Габриак. Стихотворения. М., 2001.
6. Эллис. Стихотворения. Томск. 2010.

² И.С. Шмелев в “Лете Господнем” упоминает о том, что говеют всего раз в год, А.С. Пушкин характеризует быт семьи Лариных “Два раза в год они говели”, а св. Дмитрий Ростовский писал об ужасающем небрежении к Святым Дарам уже в XVIII веке.